

**УРОК В СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЕ:
ОРГАНИЗАЦИЯ, ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ
ТЕХНИКИ, ПРАКТИЧЕСКИЕ
РЕКОМЕНДАЦИИ**

**Урок русского языка:
пути к грамотному слову**

**Евгений
Ильин,**
*ветеран
педагогического
труда*

Практической грамотности можно научить разными путями. В своей практике взял за правило: ни одного урока — будь то русский язык, литература или что-то ещё — без грамматики! Грамматические «остановки», «перебивки», «паузы» позволяют всё время держать ребят в стихии языка. Так, в теме «А.Н. Островский», рассказывая классу о том, что за недолгую, в общем, жизнь великий драматург написал 47 пьес и, по сути, создал русский театр, дав ему отечественный репертуар, я отметил, что дело, конечно, не в количестве пьес, а в том, что добрая их половина и поныне не сходит с подмостков театра. Какие?

— «Бесприданница»!

Верно. Но почему с удвоенным «н», в то время как «гостиница» — с одним? Мигом ответили на это «почему».

— «Бешеные деньги»!

Есть и такая пьеса. А ну-ка, удвойте одиночное «н». В короткие доли секунды приставкой, пояснительным словом осуществили и эту операцию.

Злоупотреблять грамматическими остановками, понятно, нельзя, не рискуя показаться излишне назойливым, дидактичным. На уроке их обычно

не более двух-трёх, а чаще одна, но каждая органично вписана в тематику основного разговора.

Читаю классу всем памятные строчки В. Маяковского:

«Я помню
морковь драгоценную эту
и полполена берёзовых дров...»

С «морковинкой» и дровами шёл он к «любимой в гости» в голодном, огненном 18-м году. Стали выяснять: почему «драгоценная»? Увлёклись. И вдруг: «А как напишем «пол.... полена»? Смотрю на ребят: вопрос принят! Неожиданный, но — уместный. Не сотрёт ли он прагматической узостью всё, чем только что волновались? Не притушит ли света больших нравственных исканий? Перебивка не испортит ли, наконец, настрой урока? На все три вопроса — три категорических «нет». Напротив: переключением на насущное (школьники будут писать сочинение — выпускное, вступительное) лишь фиксируется духовная высота урока. А может, и достигается. На этой «высоте», собственно, и нужно заниматься грамотностью. Как и всему остальному, грамотности нужен эмоциональный, эстетический уровень.

Минут пять, наверное, обсуждали злополучное «пол», составили схему, записали в тетрадях. И — снова за анализ. «А надо ли так-то?» — слышу недоверчивый голос. Можно и не так. Речь не о способах, а о разнообразии путей к слову. Каждый отыщет *свой*.

К примеру, Тихона («Гроза») почти целиком удавалось охарактеризовать словами, которые начинались приставкой «без» (бес): безвольный, бесхарактерный... Выпишем их в колонку и в своеобразном словарном диктанте разом уясним и

жалкую, никчемную натуру Тихона, и правописание не такой уж простой приставки.

А вот как однажды обозначил тему урока:

...Базаров (по роману «Отцы и дети»).

Зачем многоточие? Чтобы и здесь не забыть о грамматике. Пусть каждый найдёт своё определение Базарова и аргументирует текстом. Какой он? Под многоточием выстраиваются: гордый, самоуверенный, независимый, надменный, бесстрашный, бескомпромиссный, недоступный, саркастичный... Здесь всё: и характеристика героя, и орфографическая работа, и расширение словарного запаса. А ещё — домашнее задание. Попробуем в тексте романа отыскать эпитет, который бы объединил собою написанные на доске слова. Кстати, в чём разница между определением и эпитетом?

Пускай заманит и обманет,
Не пропадёшь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...

Блоковские строчки — импульс не только к философским, эстетическим раздумьям, но и к фиксации правописания глаголов 1-го и 2-го спряжения: заманит–обманет; сгинешь–затуманит — приведённая строфа ещё и своеобразная грамматическая памятка.

Вот такая **комплексная** педагогика, по ходу решающая сразу множество проблем, давно уже просится в школу. Язык и литература — не два предмета, а один, и преподавать их порознь — серьёзная ошибка. Так, при изучении пьесы «На дне» диктую классу слова, которые прозвучат и в тексте самой пьесы, и в разговоре о ней:

босьяк
постоялец
беспаспортный
кабак
шулер
шарлатан
старичок
жалостливый
достоинство
рефрен
новаторство
пьеса — буревестник

Для кого-то урок явился стимулом прочитать пьесу. Диктант был «конспектом» её узловых проблем, основных эпизодов, деталей и в итоге помог закрепить довольно обширный лексический блок. Теперь, когда ученик делал ошибку, допустим, в слове «жалостливый» или «аплодисменты», ему и мне не нужно было доискиваться до «корней». «А ну-ка, вспомни Луку? Актёра? Сатина?» — и слово оживало в своей достоверности.

За каждой книгой хотелось бы видеть подобного рода лексические блоки, миниатюрные орфографические словарики. Побуждает к этому не только грамотность, но и книга, с которой ещё больше проблем, ибо год от года всё меньше желающих прочитать её. А ведь рука начитанного во многих случаях опережает правила.

Даю задание. На материале только что изученного произведения (допустим, «Мёртвые души») за пять-десять минут составить короткую характеристику Манилова из двух-трёх фраз, включающих в себя двоеточие, тире, запятую перед союзом «и», оборот «так же, как...», вводное «бесспорно», «тоже», «как бы», «ни в чём», кавычки. Задание и впрямь смыкало предметы: «материал» побуждал окунуться в книгу; «фразы» — в грамматику; а то и другое — в «текст» сочинения, где знания, умения и навыки синтезом.

Приёмы неожиданных обращений к грамматике на уроках литературы различны.

Как обычно вызываем ученика? «К доске пойдёт...» и дальше фамилия. А если иначе?

— К доске пойдёт упорно не желающий писать «пол-арены» через чёрточку, а «полгода» вместе. Никита, я о тебе! Иди прочитай что-нибудь из Есенина.

Выходит, читает. Но прежде чем сесть, напишет на доске: террор, коридор, мизинец, церемониться... Если не ошибся, можно простить и кое-какие огрехи в чтении, и поставить высший балл, ещё раз подтвердив, что «язык» чуть важнее «литературы», даже если она представлена самим Есениным.

Привлекательный, изысканный, роскошный, обаятельный — о ком из литературных героев можно сказать этими словами? О пушкинской Татьяна! Согласен. О Печорине! Может, и так. О тургеневской Одинцовой! Пожалуй. О Раневской из «Вишневого сада»! Со мневаюсь.

Заспорили. А итог подведём... мелом. Чуть ли не плакатными буквами пишем эти слова. А заодно и близкие по смыслу: восхитительный, впечатляющий, прекрасный...

В «Плахе» Чингиза Айтматова столько «крови» нет, скажешь иному, сколько в твоём сочинении. Посмотри, чуть ли не каждая строчка кровоточит. Кстати, читал «Плаху»? Оно и видно. В таком случае искупи вину: прочитай и сделай сообщение.

Снова протянута ниточка, соединившая два предмета.

Нет, наверное, такого урока литературы, где бы учитель не просил ребят записать что-нибудь важное: к экзамену! Делаю это и я, не упуская, однако, своих извечных забот о грамотности.

«Что вы, что вы это над собой сделали?» — говорит Соня Раскольникову. Вдумаемся в её слова. Ведь они, по сути, применимы ко всем героям Достоевского. Мармеладов, Рогожин, Карамазов... — все они по своему что-то над собой сделали, помимо того, что сделала с ними жизнь.

Ну, а теперь проверим. В двух оборотах и в трёх словах кто-то наверняка допустил ошибку. Проверяют так, словно это экзаменационное сочинение.

Записываем и небольшие кусочки художественного текста, в которых с наибольшей глубиной (и желательной грамматической сложностью) передан характер героя. Вот что пишет Тургенев о своей «загадочной» Одинцовой («Отцы и дети»):

«Не имея никаких предрассудков, не имея даже никаких сильных верований, она ни перед чем не отступала и никуда не шла... Её ум был пытлив и равнодушен в одно и то же время».

Согласитесь, есть и о чём, и над чем подумать.

«Искусство ремарки в пьесах Антона Чехова» — это тема, которую пишет на доске ученик. Но это одновременно и проверка таких слов, как «искусство», «ремарка», «пьеса». Тут же и выясним, почему искусство с двумя «с», а искусный с одним. Стоп! А искусственный? Ну, вот и опять сомнения...

Каждая встреча с учеником — прежде всего новое слово! Оно присутствует в тематике уроков, сочинений, заданий.

Колоритность пушкинского эпитета.

Доминанта поэзии А.Блока.

Гений неологизма! (По Маяковскому).

Расчётливо корректный Молчалин («Горе от ума»); аморфный Борис («Гроза»); шокирующий Базаров, презентабельный Павел Петрович («Отцы и дети»); инфантильный Гаев («Вишнёвый сад»); преамбула «Героя нашего времени»; интерпретация горьковского Луки — всё это встречи с лексикой, оказавшейся за рамками практической грамотности. «Новые» слова — и в рецензиях на ученические сочинения: тавтология, тривиально, утрировано, компиляция... Не следует, однако, думать, будто они всецело привилегия учителя.

В сочинениях и иных письменных работах по моему настоятельному требованию ребята обязаны «сверкнуть» каким-нибудь новым, ранее не употребимым в их обиходе словом. Реанимировать, идентичный, постулат, респектабельный, прерогатива, инкриминировать, профанация, обструкция, позитивный — слова, которые в порядке иллюстрации я выписал из ученических работ. Характерно, ни в одном из них нет ошибки. Быть может, по той причине, что кому-то лишний раз пришлось заглянуть в орфографический, а кому-то и в толковый словарь. Новое слово, говорю ребятам, — праздник, который ты можешь устроить себе сам. Рядом с «праздничным» словом пытливей и зорче увидишь обыкновенное, будничное.

Литература — это не только биографии, обзоры, образы, но и творческие работы учеников. Здесь они учатся писать стихи, эпиграммы, эссе, овладевая кое-какими навыками профессиональных умений. Тут и «страничка» из неопубликованной тетради печоринского дневника; «письма» Аркадия отцу о своём приятеле Базарове — с попыткой «вписаться» в роман; «сказка» в стиле и

манере Салтыкова-Щедрина; чеховский короткий «рассказ»; «монологи», чем-то напоминающие страницы «Горя от ума», «Грозы», «Вишнёвого сада»...

Психологически жанр действительно влияет на грамотность. Както я попросил выпускников написать сочинение-миниатюру в жанре рекламы. Её цель — заинтересовать второй частью «Преступления и наказания», где не события, а переживания героя выходят на передний план, и многие по этой причине романа не дочитывают, ссылаясь на растянутость. Полстранички броского, впечатляющего текста должны привлечь внимание к душевным мукам Раскольникова, убедить, что читательский интерес здесь не только не падает, а ещё больше возрастает. Ожидаемое подтвердилось: полстранички на сей раз у многих были абсолютно грамотными. Реклама, которую (по логике) читают все, а не только учитель, обязывала к этому.

Помимо «систем» обучения, ценность которых ничуть не оспариваю, немалое значение имеют и так называемые педагогические «рывки» к знаниям, когда, работая над «предисловиями», непрозвучавшими «монологами», «письмами» персонажей, «рекламами» и т.д., ученик буквально достаёт себя и уже не довольствуется вчерашними показателями, ориентируясь на свой неожиданный успех.

Но есть и ещё возможность два предмета соединить в один. Например, напишем диалог между приставками «пре-» и «при-». Пусть каждая «литературно» выразит себя. Вот и вычерпаем полностью один из труднейших разделов орфографии. Приведу фрагмент такого диалога.

— Нет ничего проще, — ПРЕупрямо ПРЕкословила «ПРЕ», —

как ПРИблизиться, ПРИслониться, ПРИмкнуть, а на самом деле ПРИмазаться.

— Но в моих «приближениях» — уйма оттенков, — заметила «ПРИ», — ПРИкоснусь, ПРИльну, ПРИгрею, ПРИласкаю, ПРИноровлюсь, ПРИзадумаюсь, ПРИумолкну, если начнут ПРИдираться. Могу и ПРИкрикнуть, ПРИнудить, ПРИщемить и даже ПРИгвоздить. Случалось и ПРИхвастнуть, и ПРИунуть, и кое-где ПРИдержать себя.

— Но те же ПРЕимущества, только с ПРЕизбытком (а по-вашему, ПРИбавкой) и у меня, — с непРЕклонностью заявила «ПРЕ», — ПРЕльщать, ПРЕпровождать, ПРЕпоручать, ПРЕрекаться, ПРЕрывать, ПРЕсекать, стать, наконец, камнем ПРЕткновения, проще говоря, ПРЕградой — разве это ни о чём не говорит? ПРЕвознести кого-то, а кого-то и ПРЕвзойти. Что-то во что-то ПРЕтворить. И здесь иногда ПРЕсыщаюсь, ПРЕтерпеваю, когда ПРЕследуют. Но чтобы «приунуть», «пригорюниться», — никогда! Всё в этом мире ПРЕходяще (не путайте с вашим ПРИходящим). Однако ПРЕкратим перечень обобщенных заслуг. «Приблизиться», безусловно, и можно, и нужно, но не «примазываясь», а ПРЕобразуя.

— Разве мне это несвойственно? «Звание», не ставшее ПРИзванием, будем откровенны, само по себе немного стоит. Не следует так ПРИдирчиво, так ПРИмитивно истолковывать мои ПРИоритеты. Но главное не в этом. ПРИблизиться, ПРИобщиться — ещё полбеды. А вот, рассчитывая на какое-то мнимое ПРЕвосходство, ПРИзанять не своё качество... Или вы всерьёз думаете, что ПРЕломить не есть ПЕРЕломить? ПРЕпоручить, ПРЕрывать, ПРЕсекать... всё это, увы, скрытые «ПЕРЕ».

— А в ваших ПРЕсловутых приближениях? Столько порой незаконченного, незавершённого: ПРИподнять, ПРИоткрыть, ПРИвстать... Боже, какая неполнота действия! Какая низкая степень качества! Уж лучше совсем не ПРИтрагиваться, чем начать и бросить. ПРИусадебный, ПРИдорожный, ПРИшкольный... в этом смысле (воспользуюсь вашим словечком) не вызывают столь откровенной неПРИязни. Но к чему эти ПРЕпоны, ПРЕпирательства? Не пора ли найти контакты?

— Готова ПРИсягнуть, давно ждала этой минуты. В самом деле, к чему? Ведь ПРЕбывать в покое так же важно, как и вовремя ПРИбыть, предположим, к отходу поезда. ПРЕзирать, ПРЕнебрегать, ПРЕдавать — лишь другая сторона медали: ПРИзирать, ПРИгрывать, ПРИголубить... А сколько очевидных совпадений, но по-разному выраженных: ПРЕлестный, ПРЕкрасный во многом то же, что и ПРИгожий. А ПРЕодолеть можно, если ПРИналечь. Конечно, ПРЕклонить колени — это одно, а ПРИклонить голову, то есть найти ПРИют, ПРИстанище, — совсем другое. Главное, не спутать ПЕРЕключение с ПРИключением; ПРИдел с ПРЕделом; ПРЕемника — с ПРИёмником и ПРИёмшем.

— Вот именно! — неПРИтворно согласилась «ПРЕ». — Контакты ПРЕвыше всего. И это так ПРИвлекательно.

В жанре дневниковой исповеди с тем же интересом можно описать и нелёгкую судьбу «Б», то, как непросто ему, бедняге, среди множества капризных слов. Сколько буквенных сочетаний, которые и вовсе игнорируют его, пользуясь мягкостью. Любители острого детектива, где, подобно Фантомасу, герой то и дело меняет свой облик, могут поупраж-

няться на чередовании согласных в слове, причём не хрестоматийных (смех — смешной), а гораздо более серьёзных и неожиданных.

Тот, кто работал или работает в старшем звене, наверняка обратил внимание: порой даже сложные диктанты ребята пишут намного грамотнее, чем обычные сочинения, где слова и знаки у них, как говорится, в руках. Когда раздаёшь сочинения, то многие буквально хватаются за голову: как мог я не заметить этой ошибки, той и вообще, о чём думал, когда писал? А думал о многом и разном. Может, почаще тренироваться на сочинениях-миниатюрах? Они дадут возможность не один, не два и не три раза в четвёрть или в полугодие, а чуть ли не каждую неделю «собирать» **внимание**. Не обязательно писать весь урок, иногда и пятнадцати минут достаточно. Чем заниматься в оставшееся время? Чтением вслух только что выполненных миниатюр, и это наилучший способ, во-первых, научить сочинению; а во-вторых, «перебивками» типа: как написал это слово, то, поставил ли запятую, тире, двоеточие — неотступно фиксировать грамотность. Есть тут и психологический аспект. Наперёд зная, что, прежде чем отдать учителю свой опус, каждый должен прочитать его перед классом, ребята совсем иначе отнесутся к нему. Нередки случаи, когда, прочитав, ученик не спешил положить сочинение на мой стол, а сев за парту, наводил порядок в правописании. Чтение сделало его зорче к собственному листку. Спустя какое-то время вырабатывается навык проверять написанное, сидя за партой так, словно ты стоишь возле учительского стола.

Да, учебный процесс — прежде всего контроль. Но какой и когда? Считаю важным: сперва *научить*, а уж потом *оценить*. Каким бы ни бы-

ло, к примеру, сочинение (проверочным, контрольным, итоговым и т.д.), разрешаю ученику подойти и уточнить знак, слово, оборот. Никогда не пользовался примитивной подсказкой: всегда был «разговор», почему именно так, а не иначе надо писать, напоминал кое-какие правила. Короче, объяснял, чтобы впредь «конфликтная» ситуация такого рода не повторилась. Я был искренне заинтересован в том, чтобы ученики подходили ко мне, не просто подающему «милостыню», а проявляющему живейший интерес к ним. В такие минуты мне особенно удавались глубокие грамматические «зарубки». Спросят: а сколько раз один и тот же ученик может подойти? Сколько нужно, столько и может.

Когда раздаю сочинения, предлагаю классу своеобразную педагогическую лотерею: всякому, кто в своём сочинении обнаружит пропущенную мною ошибку, автоматически ставлю за русский язык «отлично». Заранее уверенный, я безоглядно иду на это: могу пропустить собственную, но не чью-то, тем более ученическую ошибку. На проверочных, тренировочных сочинениях, какие обычно проверяю с большей оперативностью, я, конечно, не практикую подобные эксперименты. Речь идёт о домашних работах.

Коснусь и другой «литературной» возможности объективно повлиять на грамотность.

Да, традиционная тематика сочинений многим действительно поднадоела и в этом смысле сковывает руку. А ведь яркая тема, как броский заголовок в газете, мгновенно даёт реакцию: проснулась мысль, откликнулась душа, пробудилось... Строчки одна за другой быстрее обычного заполняют страницы, и каждая — в поле активного внимания.

Как-то я дал сочинение, которое словно током прикоснулось к партам: «Разбитое зеркало» Сергея Есенина. Тема имела конкретную «привязку» — поэму «Чёрный человек». Предстояло по кусочкам собрать всё то, что «разбито» как бы в себя самого брошенной тростью, подумать, куда пошли трещины и трещинки, вобравшие этот роковой, судя по всему, давно назревший удар. Разбитое зеркало не позволило черному «незнакомцу» сказать что-то ещё и ещё, быть может, самое горькое, обидное. Но что? Что не сказал Есенин Есенину? И потом: не только в лицо незваного гостя брошена трость, а и в «зеркало эпохи», которая не приняла поэта, как, впрочем, и он до конца не принял её. Непросто, но интересно заглянуть в черноту той дыры, что обозначилась в провале зеркальной глади. Не о ней ли говорилось в третьей (изъятой) предсмертной строфе:

До свиданья. Догорели свечи.

Мне так страшно уходить в тьму...

Подобно Андрею Болконскому, Есенин «увидел» её, прежде чем она поглотила его. И вовсе не с мифическим другом, а с самим собою, только прежним прощался он в строчке:

До свиданья, друг мой, до свиданья...

Синеющий в окошке «рассвет», по сути, уже ничего не менял: зеркало разбито. В нём по-своему виден и трагический раскол страны, и самого Есенина, замислившего сбросить «вихрастую голову с плеч»...

Тема увлекла. Ещё больше, чем «Розы и крест Александра Блока», которую писали накануне. Трещины, осколки, чёрная дыра сразу повели ко многим стихам, строчкам, письмам поэта, где так или иначе угадывался финал «Чёрного человека». Глядя в зеркало, ребята «собирали»

Есенина, дивясь целостности, органичности его необычайно короткой, трагической судьбы. И что же? Именно в решении этой сложной темы, оказавшейся для кого-то, быть может, и непосильной, грамотность была несоизмеримо утешительнее. Значит, не только о «числителе» (о литературе) приходится думать, выбирая ту или эту тему, но и о цифре, которая будет в «знаменателе». От неё в ещё большей степени (вернусь к тому, с чего начал) зависит исход затяжной борьбы с листом бумаги.

Есть и другие способы литературой помочь грамматике.

Незадолго до экзаменов ребята обычно просят продиктовать наиболее значимые и по возможности лаконичные цитаты из программных произведений, дающие ключ к написанию сочинения, устному ответу. На фоне прагматического интереса вновь активизирую внимание к орфографии, синтаксису.

«Пусть я посватаюсь, вы что бы мне сказали?» — спрашивает у Фамусова влюблённый в Софью Чацкий. И слышит: «Сказал бы я, во-первых: не блажи, // Именьем, брат, не управляй оплошно, // А, главное, поди-тка послужи.» Цитата действительно ключевая. Все три условия для Чацкого, чьё мировоззрение основано на совершенно иных принципах, снискавших ему авторитет безумца, неприемлемы. Это то, что касается литературы. А теперь грамматика: раздельное написание «что бы»; вводные «во-первых», «главное»; обращение «брат»; дефисное написание «поди-тка». Не уходя слишком в сторону и не снижая темпа, обо всём этом говорю с такой же заинтересованностью, как и о Чацком.

На уроках по языку всякий раз звучат «литературные» оценки той продукции, что выдают мне ребята.

Всё это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно.

МНгновение, проМблема, Эдия, констаНтировать — дают, к сожалению, повод использовать эту широко известную строчку Лермонтова.

Ещё одно последнее сказанье, и... —

пушкинским стихом нередко фиксирую слово, которым заканчивается работа у доски. Но «летопись», увы, не окончена: орация — это не аванс; а постулат — не пастила, не пластилин, не палитра и не палисадник...

Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю, —

писал Пушкин. Но ошибка ошибке рознь: чЕродей, неиссеИкаемый, рИверанс, дИбаты у поэта на верняка не вызвали бы восторга.

Поэтом можешь ты не быть,
Но грамотно писать обязан...

хотя бы эти, заметь, необходимые слова: безжалостный, безымянный, бесстрашный...

Ученик допустил ошибку и путается в объяснениях. Реагирую чеховской фразой: «Это плод вашего воображения, покрытый мраком неизвестности» («Вишнёвый сад»). Тут и безобидная шутка, и горький упрёк, и ещё одна маленькая возможность не разорвать предметы.

Не часто, но и не редко классу приходилось выполнять *двойные* домашние задания. Прокомментировать, например, страницу книги, иногда несколько страниц. Вначале — как фрагмент писательского замысла, выказав умение читать и понимать слово аналитически; затем — объяснить синтаксис прочитанного. По ходу «грамматического»

комментария не останется в стороне и орфография. Язык и литература снова в одной упряжке.

Отдав (психологически) первенствующую роль грамотности, я тем не менее не сделал её (фактически) важнее литературы, важнее развития творческих способностей ученика. Грамотность позволяла ему (в рамках минимальных, но многократно выверенных знаний) легко и свободно излагать мысли, а не «подгонять» скучно и расчётливо каждую из них под убогую лексику, упрощённый синтаксис, телеграммный стиль. Практическая грамотность, собственно, тем и отличается от примитивной, что базируется не на уловках, ухищрениях, а на чувстве уверенной самодостаточности, завоёванной долгими, целенаправленными упражнениями. Безусловно, есть тут и навык не ломиться в дверь, когда она закрыта; очертя голову не прыгать через яму, а выбирать путь, что «протопанней и легче».

Последний секрет

Деловито погружаясь в предмет, думая о том, как проще и лучше преподать его, мы, однако, не всегда стремимся убедить (именно убедить!) юных прагматиков, что грамотно писать так же необходимо и важно, как быстро и безошибочно считать. В написание обычно приводим всем знакомое «Казнить нельзя помиловать», иллюстрируя возможности запятой в зависимости от того, где она стоит. В первом случае — отнимет жизнь; во втором — милостиво подарит. Но одного примера, тем более избитого, банального, явно недостаточно.

Почему надо быть грамотным? — такую тему однажды предложил старшеклассникам. Писали охотно, с пониманием дела. Язык — это наша судьба! Профес-

сиональная, житейская — какая угодно. Подумаем ещё и ещё раз об этом. Вряд ли пушкинская Татьяна плакала бы над онегинским письмом, окажись в нём грамматические ошибки.

На уроках я рассказываю об одном давнишнем случае. В 1947 году я закончил седьмой класс 111-й вечерней школы с похвальной грамотой, чем немало удивил родственников, знакомых. В то полугодное, полураздетое послевоенное время учиться и работать было нелегко. К тому же учителя, ещё хранившие традиции былой, дореволюционной педагогики, несмотря на то, что любили нас и заботились о нас, отличались строгостью, бескомпромиссностью. Это тем более прибавляло мне веса. В присутствии директора школы, учителей я должен был расписаться в получении награды. «Грамоту об окончании 7-го класса получил...» — уверенно начал я. «Разве так пишется «грамота»?» — тихо прозвучал голос директора. Кто-то тут же стал защищать меня: дескать, на радостях, от волнения. Но в глазах своих наставников я читал едва скрытый упрёк. Эх, парень, парень! Так и не научился отличать грамматику от грамоты. Неловкую ситуацию, конечно, замяли, ошибку исправили, грамоту вручили. Много времени прошло с того памятного дня. Но горечь стыда и по сию пору не проходит. Под собственным невежеством самоуверенно и бойко расписался я тогда.

С большим интересом обычно ребята воспринимают эту историю. С каждым может произойти нечто подобное. Выходит, не зря занимаемся и словами, и оборотами. Совсем не зря.

Это, пожалуй, мой последний «секрет»...

Санкт-Петербург